

Владимир КУПРИЕНКО

член Союза писателей России,
выпускник БГПИ 1977 года

От редакции. Читателям и редакторам «Амура» автор публикуемого ниже произведения известен давно и очень хорошо: какими только творческими гранями не поворачивался он к нам! Но особенно часто, как и на этот раз, *Купер* предлагает то трогательные, то смешные истории – проникнутые самоиронией и ностальгией воспоминания о своих студенческих годах, о людях, с которыми судьба свела его в стенах родного вуза – *Педа*, как любит он выражаться.

МОЙ ЛИЧНЫЙ КОМСОМОЛ

Я, Куприенко Владимир Алексеевич, 1952 года рождения, в недавнем прошлом член КПСС, выпускник Хабаровской Высшей партийной школы (ВПШ), член Союза журналистов СССР, России, член Союза писателей России, никогда в ряды членов ВЛКСМ не вступал. Честное пионерское!

Может возникнуть резонный вопрос: как, не будучи комсомольцем, я стал членом Коммунистической партии Советского Союза? Тут всё просто, очень просто, архи-просто, но не без странностей (как и всё в моей жизни, кроме вечной любви к моей супруге – Любви Куприенко). Поясню.

В 1970 году, по окончании средней школы (прииск Октябрьский Зейского района), вооружённый «троечным» аттестатом («пятёрки» по английскому и истории, всё остальное – классические «троебаны»), стоял я вместе с друзьями в аэропорту родного прииска в ожидании «трясучки» (самолёта АН-2), чтобы лететь в Иркутск – подавать документы в институт иностранных языков (в полной уверенности, что смоим знанием английского поступить туда – проще пареной репы).

Стояли мы и в наглуго курили (а что, школа уже за спиной!), и тут вдруг на моё плечо легла тяжёлая длань. Я обернулся и обмер – директор школы, Алексей Николаевич Гилунов, собственной персоной... Он был краток и суров: «Пошли со мной!» И я, как робкий щенок, неуверенно потрусил за ним.

Алексей Николаевич отошёл метров на сто, обернулся и, строго глядя на меня, сказал: «Дуррак ты, Вова! Сын таких умнейших, глубоко уважаемых всеми родителей, а – полный дуррак». При этом достал из кармана красную книжечку и протянул мне: «На, спрячь подальше и запомни на всю жизнь этот день и час. Без этой

книжечки у тебя документы нигде не примут, а в иняз тем более». Это был комсомольский билет на имя Владимира Куприенко – лидера школьных «диссидентов» и, в этой связи, принципиального противника «великой школы жизни» – ВЛКСМ.

Прилетел я в Иркутск (разумеется, не на АН-2, на нём – до Благовещенска, а уже оттуда – на АН-24), прихожу в институт. В приёмной мне сухо сказали: «Паспорт, комсомольский билет, аттестат». Я нервно вякнул: «А без комсомольского можно?» Мне ещё суше прежнего ответили: «Не до шуток! Много вас тут, шутников...» Вот так и не иначе.

Правда, в этом институте я проучился всего год, а затем был отчислен «за академическую неуспеваемость». На самом деле – за связь с иностранцами, фарцовку и прочую «антисоветчину».

И если бы не членство в ВЛКСМ – из стен института я бы, вполне вероятно, отправился не домой, а совсем в другом направлении...

Программу второго вуза, ставшего родным, – Благовещенского педагогического, я осилил опять-таки благодаря комсомолу (воистину: «Не расстанусь с комсомолом...»). Диссидентский дух мой всегда «спотыкался» об общепринятые правила игры: учёба + комсомол, всё остальное – серая неважность. Как, например, издание «неправильного» журнала. Жалкая кучка инакомыслящих (Холкин, Новиков, Герасимов, Куприенко и иже с ними) задумала тайно издавать «антисоветский» рукописный журнал «Принципиальное мнение» и даже умудрилась выпустить первый номер-самиздат. И что? Да ровным счётом ничего, кроме «увесистого пинка», как тогда выражались, «по комсомольской линии». Нас, естественно, кто-то «сдал», куратор известно какого «комитета» по-

качал журналом и головой: «Эх вы, революционеры, мать вашу... Ну, да ладно, на собрании...здюлей получите и живите дальше, показушники чёртовы».

Так оно и вышло: на общем комсомольском собрании института нас «построили» и со всей комсомольской принципиальностью дали тех самых «люлей». А Слава Гамерман, вузовский комсомольский лидер той поры, похлопал Вову Холкина (редактора того самого «журнала») по плечу: «Ничего, пацаны, перемелется...» И начинающий комсомольский вожак Саня Косенко тоже нас успокаивал.

То есть педовский комсомол нам «вставил двухведёрную витаминную клизму» – мол, знайте свой шесток, – но не загубил. Если бы выгнали из комсомола, то автоматом – и из института.

Меня это событие сильно встряхнуло, и я с тех пор заужал Всесоюзный ленинский коммунистический Союз молодёжи, а педовский комитет ВЛКСМ – тем паче.

А потом по распределению у меня была работа в сельской школе – Придорожной, что в Тамбовском районе. И ровно через четыре месяца секретарь парткома совхоза сказал мне строго-торжественно: «Ну, что, комсомолец Куприенко, пора...»

Что удивительно (для меня – вечной диссиды): супротив членства в многомиллионных рядах КПСС я (внутри себя) не имел ничего против... Бывает и такое.

А комитету комсомола (тех времён) родного Педа – поклон земной!